

Печальный веселый солдат

К 80-летию Виктора Петровича Астафьева

«Все больше размышляешь о человеке и становишься все худшего мнения о нем, особенно о нашем человеке. Наш народ привык, чтобы с ним говорили жалостно и со слезой, гладили бы его по голове, заискивали бы перед ним, как Иван Сергеевич Тургенев. Всех, кто были беспощадны, как Лесков и Салтыков-Щедрин, их тут же задвигали. А вот Тургенев, который немножко сюсюкал с народом, Чехов, который сюсюкать тоже любил, с его дамочками и докторами, вот их любят, приятно читать. Паустовского приятно читать – как каким-то сиропом сладким по сердцу окатит. А когда станешь говорить и писать правду, то, что сам пережил, возникает конфликт.

Народ наш понять очень трудно. Он сам-то себя не понимает: «Мы картошку гнилую ели!» Ну что же, тебя хвалить за то, что ты ходил босиком и картошку гнилую ел? Ка-

кой бы еще народ стал бы такое делать?

Это не может не влиять на писателя. Вот в чем самая главная трагедия – не хочется писать! Писатель на исходе жизни задает себе вопрос: зачем? Зачем я жил, зачем работал, зачем по двенадцать часов горбатился за столом? Люди от этого лучше не стали, мир не улучшился. Зачем эти миллионы книг, миллионы картин, писанные нищими художниками, которые шли под пули, на расстрел, на костер – зачем они создавались?

Когда эти вопросы подступают к тебе – становится страшно жить. Не от того, что жрать нечего, не от того, что могут убить на улице. Я знаю, что это мгновенно, по фронту знаю, и смерти не боюсь. Но это угнетает психику, не дает спать... Зачем?..»

Читайте стр. 4

Русский курьер - 2004 - 28 апр. - с. 1, 4